

*Г. Лансеро**

**ОТ МОНУМЕНТА К ДОКУМЕНТУ:
ИЗУЧЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
НАКАНУНЕ ЕЕ СТОЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ**

Утверждение Бенедетто Кроче «Всякая история – это современная история» особенно актуально, когда речь идет об историографии Французской революции в начальный период Третьей республики. Хотя революционная история тогда считалась еще слишком острой темой, чтобы ею занималась академическая наука, содержание и последствия Революции оказались по мере приближения ее столетнего юбилея в центре дискуссий. Для авторов тех лет историография революции была, прежде всего, средством политической борьбы. И апологеты Революции, и ее критики считали, что изучение прошлого должно проливать свет на настоящее и служить интересам конкурирующих политических партий. Однако в эти же годы имело также место появление сугубо эмпирических исследований, авторы которых отказывались от риторических эффектов и ставили себе задачей установление фактов и опровержение исторических мифов. Этот интеллектуальный поворот обозначился уже в ходе споров 1880-х гг. и привел к утверждению новых взглядов на взаимосвязь изучения прошлого и интересов текущего момента.

Ключевые слова: историография, историки, презентизм, использование прошлого, противоречия

DOI 10.32608/0235-4349-2019-1-52-399-422

«Столетняя годовщина Великой Революции лишний раз напоминала пролетариату, что для экономического освобождения сделано до сих пор слишком мало, да и не может быть сделано много до тех пор, пока он, в свою очередь, не явится победоносным завоевателем»¹.

Г. В. Плеханов

Сразу после Наполеоновских войн, при Реставрации Бурбонов, историография Французской революции стала постепенно отделяться от воспоминаний современников бурных событий прошло-

* *Гийом Лансеро, аспирант Высшей школы социальных исследований (Париж).*

¹ *Плеханов Г.В. Столетие Великой Революции. СПб, 1906. С. 23.*

го², с самого начала отличаясь ярко выраженным полемическим настроением. В течение десятилетия, предшествовавшего 100-летию юбилею этого события, использование истории Революции в политических целях достигло апогея. Выше приведенный пассаж из брошюры Г.В. Плеханова, теоретика русского марксизма, свидетельствует об устойчивости подобного отношения к ней. Недаром Марк Блок, спустя более полувека, призывал специалистов по истории этого периода: «Робеспьеристы, анти-робеспьеристы, умоляем вас: пожалуйста, просто скажите нам, кем был Робеспьер»³. А недавняя полемика о видеоигре *Assassin's Creed Origins*⁴, равно как и появление на свет ретроспективных – и тенденциозных – интерпретаций мемориальной программы 200-летнего юбилея Французской революции⁵, вновь показывают, что эта тема упорно не желает «остывать», как того желал ей Франсуа Фюре.

Вероятно, 100-летний юбилей Революции в 1889 г., получивший политический резонанс в мировом масштабе, можно рассматривать как первое в истории сугубо мемориальное событие. Несмотря на усилия, предварительно предпринятые республиканцами для успокоения коронованных особ⁶, западные государства, следуя примеру Бисмарка, отнеслись к празднованию Юбилея со скептицизмом, если не с отвращением⁷. Напротив, воспоминание о Революции пробудило во многих оппозиционных кружках Европы, от русских ссыльных народников до немецких социал-демократов⁸, новые надежды на либеральные и демократические реформы.

² Luzzatto S. Mémoires de la Terreur : vieux Montagnards et jeunes républicains au XIXe siècle. Lyon, 1991 ; Fureix E. Une transmission discontinuée. Présences sensibles de la Révolution française, de la Restauration aux années 1830 // Histoire d'un trésor perdu. Transmettre la Révolution française. P., 2013. P. 149-193.

³ Bloch M. Apologie pour l'histoire ou Métier d'historien. P., 1997 [1949]. P. 125.

⁴ Martin J.-C., Turcot L. Au cœur de la Révolution: les leçons d'histoire d'un jeu vidéo. P., 2015.

⁵ Vovelle M. La bataille du Bicentenaire de la Révolution française. P., 2017. См. также Garcia P. Le bicentenaire de la Révolution française: pratiques sociales d'une commémoration. Thèse de doctorat. Université Paris I. P., 1994.

⁶ Garcia P. L'État républicain face au centenaire: raisons d'État et universalisme dans la commémoration de la Révolution française // 1889 : Centenaire de la Révolution française. Réactions et représentations politiques en Europe. Berne, 1992. P. 145-167.

⁷ Schroeder-Gudehus B. Les grandes puissances devant l'Exposition universelle de 1889 // Le Mouvement social. № 149. 1989. P. 15-24.

⁸ Ducange J.-N. La Révolution française et la social-démocratie. Transmissions et usages politiques de l'histoire en Allemagne et en Autriche (1889-1934). Rennes, 2012.

В самой же Франции память о Революции сеяла семена раздора. Авторы известного многотомного труда «Места памяти», вышедшего под руководством Пьера Нора, не без основания указывали на критическое отношение к наследству 1789 года со стороны социалистов и анархистов, монархистов и католиков⁹. Особенно выделялись основатели «социального католицизма», которые еще до энциклики *Rerum novarum* Льва XIII (1891), начали настоящий «крестовый поход» против Революции¹⁰. Радикальные ультрамонтаны, ученики Фредерика Ле Пле, развернули полемику в 1888 г., выступив с инициативой «Наказов 1889 г.». Главное достоинство этого проекта состояло в собрании и публичном изложении мнений и требований духовенства относительно торговли и промышленности, хозяйства и образования, государственной власти и коллективной морали¹¹. За это время по всей территории Франции выросло количество искупительных месс¹², особенно 21 января, а также, по примеру епископа Шарль-Эмиля Фреппеля, отказов 14 июля звонить в колокола или украшать церкви флагами¹³.

Встревоженные распространением оппозиционных настроений и успехами буланжистов на выборах, руководители республиканских институтов и организаций реагировали весьма энергично¹⁴. Помимо официального празднования, в значительной мере оказавшегося в тени Всемирной выставки, республиканцы-«радикалы» инициировали кампанию исторических конференций по всей стране, развернули борьбу за создание Музея Французской революции на руинах дворца Тюильри, сгоревшего во время Коммуны 1871 г., и реализовали масштабные издательские проекты¹⁵. Среди последних следует отметить популярные сочинения,

⁹ *Martin J.-C.* La Vendée, région-mémoire // *Les Lieux de mémoire.* P., 1997. T. 1. P. 519-534; *Rebérioux M.* Le mur des Fédérés // *Ibid.* P. 535-558. См. также: *Les anarchistes et la Révolution française.* P., 1990; *Rebérioux M.* Socialisme et Révolution française // *L'héritage politique de la Révolution française.* Villeneuve d'Ascq, 1993. P. 136-156; *McKinley A.* Illegitimate Children of the Enlightenment. Anarchists and the French Revolution, 1880-1914. N.-Y., 2008.

¹⁰ *Les catholiques français et l'héritage de 1789* / Ed. P. Colin. P., 1989; *Kale S.D.* The Countercenterary of 1889, Counterrevolution, and the Revolutionary Tradition // *Historical Reflections / Réflexions historiques.* 1997. № 23-1. P. 1-28.

¹¹ Archives nationales (далее AN).F¹⁹ 5611.

¹² AN. F¹⁹ 5582.

¹³ *Martin J.-C.* Monseigneur Freppel et la Révolution française // *Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest.* 1995. № 102-1. P. 75-88; *Catholiques entre monarchie et république. Mgr Freppel en son temps : 1792-1892-1992.* P., 1995.

¹⁴ *Ory P.* Le centenaire de la Révolution française // *Les Lieux de mémoire.* T. 1. P. 465-492.

¹⁵ Об этой мобилизации, см. например частный фонд Charles-Louis Chassin в Bibliothèque historique de la ville de Paris (BHVP). Ms. Fr. 1395-1447.

изданные «Обществом республиканского образования» Жюля Барни. Благодаря таким просветительским и издательским начинаниям увидели свет брошюры Жюля Греви, Альфонса Эскироса и Виктора Шельшера, а также биографии Лазара Гоша и Жоржа Дантона, написанные соответственно Иполлитом Карно и Альфонсом Оларом¹⁶. Используя подобные пропагандистские материалы, левые силы стремились нейтрализовать своих оппонентов из консервативного «Библиографического общества», выпустившего множество листовок и брошюр с критикой Просвещения и Французской революции. Аналогичным образом, наследники принципов Революции 1789 г. боролись с идеями клерикальной и легитимистской историографии, распространявшимися журналами *Revue des questions historiques*¹⁷ и *Revue de la Révolution*¹⁸. В 1881 г. республиканские публицисты Жан-Клод Кольфаврю (Jean-Claude Colfavru), Этьенн Шаравэ (Étienne Charavay) и Огюст Дид (Auguste Dide) основали исторический журнал *La Révolution française*, посвященный исключительно изучению Революции.

Разумеется, история Французской революции в это время не входила в тематику академических исследований или университетских курсов. В Сорбонне курс революционной истории стали читать только с декабря 1885 г., когда факультет согласился для этой цели принять, вопреки на «ограничение своей академической свободы»¹⁹, ежегодное пожертвование в 12 000 франков от муниципалитета Парижа. Другие курсы по истории Французской революции, начатые в 1887-1889 гг., тоже стали результатом инициативы неуниверситетских организаций: в Бордо – некоего «Кружка Луи Блана»²⁰, в Лионе и Тулузе – городских советов²¹.

Подобные инициативы политических и интеллектуальных сил в полной мере соответствовали тому, что в современной научной литературе называют «использованием истории в политических

¹⁶ Amalvi C. L'histoire pour tous : la vulgarisation historique en France d'Augustin Thierry à Ernest Lavisse (1814-1914). Thèse de doctorat. Université Montpellier III. Montpellier, 1994.

¹⁷ Исторический журнал, созданный в 1868 г. маркизом де Бокуром, также основателем «Библиографического Общества» и его научного органа *Polybiblion*.

¹⁸ Журнал *Revue de la Révolution* издавался с 1883 по 1889 г. Гюставом Бором (Gustave Bord) и Шарлем д'Эрико (Charles d'Héricault).

¹⁹ AN. AJ¹⁶ 4747. F. 269.

²⁰ Frolo J. L'histoire de la Révolution // Le Petit Parisien. 1887. 4 mars. P. 1.

²¹ Р. Давен (R. Davenne) читал его в Бордо, Эмиль Буржуа (Émile Bourgeois) – в Лионе, Жан-Бернар Пасерье (Jean-Bernard Passerieu) – в Тулузе. См.: Garcia P., Marin B. Lille, Marseille, Toulouse: à chacun sa commémoration // Politique de la mémoire. Commémorer la Révolution. Lyon, 1993. P. 88.

целях». Однако ситуация 100-летнего юбилея Революции интересна тем, что «использование истории» осуществлялось способами, отличавшимися от ранее принятых. С одной стороны, историки давно заметили, что их предшественники обращались к истории для легитимизации светских властей и социальных элит. Литературное меценатство было обычным явлением с античных времен²². Государства, вожди и элиты, в том числе за пределами Европы²³, рано осознали символическую выгоду исторических рассказов и хроник. Убеждение *historia magistra vitae*²⁴ вылилось со временем в институционализацию профессиональных «историографов», получавших от властей вознаграждение. Наиболее знаменитые примеры таковых – Н.М. Карамзин, назначенный на этот пост Александром I в 1803 г.²⁵, а также – Вольтер и Шатобриан, занимавшие должность «королевского историографа», созданную еще в XV в. для Алена Шартье²⁶. Несмотря на то, что в 1880-х гг. историки Революции занимались историей в интересах политических «партий», их деятельность отличалась от интеллектуального наемничества в чистом виде тем, что они материально не зависели от «сильных мира сего».

С другой стороны, в ходе дискуссий о коллективной памяти, идущих в современной Франции, ученые утверждают, что историки сегодня всё чаще сталкиваются с внешним давлением, исходящим от государства или определенных социо-политических групп, ищущих публичного признания²⁷. Отмечается, что подобного рода требования ставят под вопрос сами основы научного мира и профессиональные нормы историографической практики, в первую очередь – идею «аксиологической нейтральности»²⁸. В рассматриваемый же нами период 100-летнего юбилея Революции ее истори-

²² *Momigliano A.* The Introduction of the Teaching of History as an Academic Subject and Its Implications // *Minerva*. 1983. № 21-1. P. 2.

²³ *The Oxford History of Historical Writing*. Vol. 3: 1400-1800. Oxford, 2012. P. 25-43; *Robinson C.F.* Islamic Historiography. Cambridge, 2003.

²⁴ *Koselleck R.* Le futur passé: contribution à la sémantique des temps historiques. P., 2000; *Hartog F.* Régimes d'historicité : présentisme et expériences du temps. P., 2015.

²⁵ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 172.

²⁶ *Fossier F.* La charge d'historiographe du seizième au dix-neuvième siècle // *Revue historique*. 1977. № 258-1. P. 74.

²⁷ *Hartog F., Revel J.* Note de conjoncture historiographique // *Les usages politiques du passé*. P., 2001. P. 13-24; *Bédarida F.* Y a-t-il une crise de l'histoire en France ? // *Histoire, critique et responsabilité*. P., 2003.

²⁸ *Kalinowski I.* Leçons wébériennes sur la science et la propagande // *Weber M.* La science, profession et vocation. Marseille, 2005. P. 191-240.

ки еще не стали частью «академического поля»²⁹ и не являлись в понимании того времени «профессионалами». Напротив, их социальный статус соответствовал образу «свободной интеллигенции»³⁰, независимой от университетской среды и ее научных норм.

В этом же заключается «эпистемологическое препятствие»³¹ традиционной истории историографии, долгое время трактовавшей исторические работы прошлого как чисто абстрактные тексты и не придававшей значение социальным обстоятельствам их появления. Настоящая статья имеет целью разъяснить соотношение между социальным статусом историков Французской революции в 1880-е гг. и их понятием историографической практики. Проведя анализ социальных сетей, я постараюсь показать, что в канун 100-летнего юбилея доминировала модель «историка-публициста». Не имевшие сугубо профессиональной подготовки, историки Революции чаще всего оставались за пределами академического поля и занимались популяризацией знаний среди широкой общественности, участвуя в научно-популярных изданиях, журналистике или провинциальных научных обществах. Эти до-профессиональные практики историографии были направлены на то, чтобы положить конец «мифам» о прошлом и реабилитировать ту или иную «партию» Французской революции. В то же время свобода от дисциплинарных систем интеллектуальной цензуры, имевших возможность повлиять на интерпретацию истории, способствовала возникновению нового соотношения научных и политических устремлений историографии.

Звание и достоинство историка

Со времен либерального поворота Второй империи конца 1860-х гг. наблюдалась тенденция к фундаментальной модернизации исторического образования. Обеспокоенная германским превосходством в науке, особенно после болезненного поражения 1870 г., которое многие объясняли низким уровнем интеллектуальной и моральной подготовки французов к борьбе³², группа реформистов создала в 1878 г. «Общество высшего образования»³³. Его сторонники развернули ожесточенную борьбу против «дилетантизма» в университетском преподавании. Вот как описывает

²⁹ Bourdieu P. Homo Academicus. P., 1984.

³⁰ Charle C. Les intellectuels en Europe au XIXe siècle. P., 1996. P. 180-181.

³¹ Bachelard G. La formation de l'esprit scientifique. P., 1938.

³² Renan E. Questions contemporaines. P., 1868. P. VI.

³³ Weisz G. The Emergence of Modern Universities in France, 1863-1914. Princeton, 1983.

университетские курсы в Париже того времени молодой аспирант из России Н.И. Кареев в одном посланий своему научному руководителю В.И. Герье³⁴:

«Первое время по началу курсов я посвятил целую неделю на посещение большей части читающихся лекций и очень удивился, замечая, что учащаяся молодежь составляет самый незначительный процент в числе слушателей <...>: это, собственно говоря, пожалуй, и не лекции в большинстве случаев, а популярные беседы»³⁵.

Создание в 1868 г. Высшей школы практических исследований (*École pratique des hautes études*) под руководством Виктора Дюрюи, модернизация системы защиты диссертаций и рост числа научных исторических журналов играли важную роль в том, чтобы преодолеть отставание французского высшего образования. Однако в 1880-х гг. социальный профиль историка все еще был не вполне определен. Обращаясь к одному из классических для исследователей социальной истории XIX в. источников – «Универсальному словарю современников» Гюстава Ваперо, мы можем заметить, что 43 лица, упомянутых в издании 1893 г. с определением «французский историк», одновременно характеризуются как «публицисты», «эрудиты», «литераторы» или «критики». К примеру, Альфонс Олар, основатель академической историографии Революции, определяется как «литератор и профессор», а Мариус Сепе, выпускник престижной Школы хартий, сотрудник Национальной библиотеки и автор пропагандистских произведений о Революции для «Библиографического общества», упомянут в словаре как «эрудит и историк». Замечаем также низкий уровень специализации по хронологии и тематике: большинство историков легко по своему желанию переходят от одного периода к другому, за исключением разве что древней истории. Например, Поль Гаффарель, выпускник Высшей нормальной школы и обладатель степени (*agrégation*) по истории, писал о французской Бразилии, о военных кампаниях Первой республики, о чуме в Марселе 1720 г. и о революционной политике Приёре (из Кот-д'Ор).

В поиске эмпирического основания для настоящего «группового портрета», я составил просопографическую базу, содержа-

³⁴ Герье сам был пионером введения в Московском университете «немецких» методов исторического образования: создание семинаров, издание источников, критический анализ свидетельств прошлого.

³⁵ Н.И. Кареев – В.И. Герье, 13 января 1878. Цит. по: *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 113.

щую сведения о 136 авторах книг по революционной истории, отрецензированных с 1881 по 1896 гг. в журналах, посвященных этой тематике – *La Révolution française* и *Revue de la Révolution*, а также в двух главных исторических журналах того времени – *Revue historique* и *Revue des études historiques*. Результаты анализа я представил в виде следующей диаграммы, содержащей сведения о профессиональной и просветительской деятельности этих 136 историков: кем они работали, в каких организациях состояли и какие, помимо истории, имели интеллектуальные практики³⁶.

Сразу бросается в глаза многопрофильность этих современников 100-летнего юбилея Революции. Не принимая во внимание эту особенность, мои предшественники чаще всего оперировали однозначными определениями³⁷, не отражавшими всё богатство социальных траекторий и деятельности этих историков. Достаточно сослаться на пример Этьенна Шаравэ, являвшегося одновременно специалистом по палеографии, основателем исторических и литературных журналов, продавцом автографов, книготорговцем, издателем, экспертом по почеркам при трибунале департамента Сена и генеральным секретарем Лиги народного образования³⁸.

Диаграмма также показывает распределение историков между двумя основными категориями – политической прессы и научных обществ. Говоря о журналистике, следует отметить прежде всего то, что она являлась основным полем деятельности большинства историков Французской революции, особенно из числа республиканских публицистов. Часто являвшиеся бывшими оппозиционными адвокатами периода Второй империи³⁹, они при Третьей республике принадлежали к числу масонов и сторонников свободомыслия. Так, все основатели *La Révolution française* активно участвовали в масонских ложах, а Олар был также известным критиком иезуитского образования⁴⁰.

³⁶ Об анализе многопрофильности см. *Boltanski L. L'espace positionnel: multiplicité des positions institutionnelles et habitus de classe // Revue française de sociologie. 1973. № 14-1. P. 3-26 ; Venturini T., Jacomy M., Baneyx A., Girard P. Hors champs. La multipositionnalité par l'analyse de réseaux // Réseaux. 2016. № 199. P. 11-42.*

³⁷ *Carbonell C.-O. Histoire et historiens. Une mutation idéologique des historiens français (1865-1885). Toulouse, 1976; Den Boer P. Une histoire des historiens français. P., 2015.*

³⁸ AN. LH 487/1.

³⁹ О политической окраске адвокатуры при Второй империи см.: *Nord P. Le moment républicain. Combats pour la démocratie dans la France du XIXe siècle. P., 2013. P. 145-169.*

⁴⁰ *Aulard A. Polémique et histoire. P., 1904. См. также: Lalouette J. La libre-pensée en France, 1848-1940. P., 2001.*

ИСТОРИКИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: 1881-1896

В данной диаграмме, составленной с помощью программы Gephi и алгоритма Force Atlas (на основе нами собранных социо-библиографических данных о 136 историков), каждый кружок означает одного историка и каждая связь – один вид деятельности или организацию. Размер кружков зависит от размера организации или количества занятых данным историком.

Огюст Дид, один из активистов этих кружков, признавал: «Сын республиканца, я был воспитан в ненависти к диктатуре и диктаторам. Республика для меня являлась идеалом, объектом поклонения»⁴¹. После того, как он покинул родной Ним и отправился в Сорбонну, политическая деятельность привела его в парижскую тюрьму Мазас, откуда его отправили в ссылку. В Ницце и Генуе он познакомился с Гарибальди и Мадзини, затем поселился в Женеве. Защитив в 1864 г. диссертацию в Страсбурге на теологическом факультете и став кальвинистским пастором, он принадлежал к числу представителей либерального протестантизма до известного синода 1872 г., приведшего к победе консервативных «ривайвелистов». Тогда, подобно множеству других протестантских либеральных лидеров, Дид избрал иное поле деятельности — на стыке прессы, политики и народного образования⁴². В 1879 г. он стал вести литературную рубрику в *Journal officiel*. Опубликованные им за это время исторические тексты вышли в 1886 г. одним томом под названием «Еретики и Революционеры». В те же годы он присоединился к масонству и «Лиге народного образования», что привело к его окончательному отказу от религии. Только тогда он получил возможность начать карьеру историка-лектора. По совету Жана Маса и Эммануэля Воше, Дид ездил по стране с 1883 по 1886 г. в компании Жан-Клода Кольфаврю, знаменитого масона и соучредителя *La Révolution française*. Вместе они читали лекции более чем в тридцати городах о Дидро и о патриотических праздниках, о Дантоне и о светском образовании, о состоянии народа до 1789 г. и о достижениях Французской революции в целом.

Напротив, члены научных обществ, обычно судейские служащие, представители духовенства, выпускники Школы хартий, работавшие в архивах и библиотеках, но чаще всего рантье, весьма негативно относились к восстановлению республики. Для большинства этих людей занятие историей являлось способом сохранения, хотя бы в иллюзорной форме, Старого порядка. Неудивительно, что основная часть местных эрудитов была сосредоточена на Западе страны. Помимо все еще живых воспоминаний о «Като-

⁴¹ См.: Женевская библиотека. Департамент рукописей и частных фондов. Фонд Огюста Дида, не инвентаризованный. О нем см.: *Huard R. Aux sources de la commémoration du Centenaire de 1789. La vocation révolutionnaire du pasteur Auguste Dide // Religion, Révolution, contre-Révolution dans le Midi, 1789-1799. Nîmes, 1990. P. 197-211.*

⁴² *Cabanel P. Le Dieu de la République. Aux sources protestantes de la laïcité (1860-1900). Rennes, 2003. P. 45.*

лической и королевской армии» Вандеи, обилие научных обществ в том регионе объясняется сохранением там мелкого дворянства, по-прежнему обитавшего в своих поместьях, особенно в Нормандии, где в 1824 г. под руководством Арсисса де Комона появилась первая региональная историческая организация – Общество антикваров Нормандии⁴³. На собраниях этих закрытых объединений, нередко проходивших в усадьбе одного из их членов, обсуждались исключительно локальные темы. Настолько локальные, что при выходе в 1889 г. труда «1789 год в Ле-Мане и Верхнем Мэне» (*L'année 1789 au Mans et dans le Haut-Maine*) Робера Триже, члена «Исторического и археологического общества Орна», парижские критики упрекали автора в том, что он не провел исследований в столичных архивах и библиотеках, а вместо этого собрал документы по городским и департаментским архивам в радиусе 40 км от своей усадьбы в Дуйе-ле-Жоли (*Douillet-le-Joly*)⁴⁴.

Суд над историческими мифами

В годы, предшествовавшие Юбилею 1889 г., сталкивались противоположные трактовки Революции. Выступавшие с левых позиций авторы считали своим научным долгом защиту Республики:

«Каждая страна, желающая оказывать влияние на мир, нуждается в славной традиции, в героическом происхождении и в благородных воспоминаниях. Для нас Революция воплощает сию традицию. Ведь от нее проистекают великие годовщины, национальные празднования. К ней же мы обращаемся, желая укрепить веру в будущее своего отечества»⁴⁵.

Напротив, для эрудированных чиновников и аристократических авторов журнала *Revue de la Révolution*, воодушевленных чрезвычайным успехом сочинений Иполлита Тэна⁴⁶, 1789 год означал Апокалипсис, начало анархии и масонского господства над Францией:

«Ж. Де Местр вынес окончательный приговор Революции: “Революция – сатанинское явление”. <...> Если Франция не сумела за

⁴³ *Chaline J.-P.* Sociabilité et érudition. Les sociétés savantes en France. P., 1998 ; *Parsis-Barubé O.* La province antique. L'invention d'une histoire locale en France (1800-1870). P., 2011; *Ploux F.* Une mémoire de papier. Les historiens de village et le culte des petites patries rurales à l'époque contemporaine (1830-1930). Rennes, 2011.

⁴⁴ Этот упрек повторяется в некрологе Триже: *Tournouër H.* Robert Triger // *Revue historique et archéologique du Maine.* 1929. № 9. P. 43.

⁴⁵ *Spronck M.* Chronique // *La Révolution française.* 1881. № I-1. P. 157.

⁴⁶ *Richard N.* Hippolyte Taine: histoire, psychologie, littérature. P., 2014. Его многотомное «Происхождение современной Франции» выходило с 1876 по 1894 гг.

последние сто лет воспользоваться средствами, предоставленными Провидением, это объясняется тем, что она захвачена масонством, достойным наследником иудаизма, предпринимающим все меры социального и религиозного порядка для ликвидации христианства. Главное искушение Революции – ложная догма равенства, составляющая основную ошибку “Декларации прав человека”. Равенство, замысел Сатаны, стало причиной гибели Франции»⁴⁷.

Очевидно, история тогда писалась на злобу дня⁴⁸. Изучение прошлого служило решению задач настоящего и выступало средством идеологической полемики.

Отсюда вытекает тогдашнее понимание истории как бесконечного запаса фактов, из которых историк выбирает самые полезные для полемики сюжеты и анекдоты, чтобы представить их в готовом виде журналисту или епископу, депутату или писателю для текущей политической борьбы. Авторы *Revue de la Révolution* собирали в специальном разделе разные нелепые (и часто сомнительного происхождения) истории подобного рода. Например, здесь мы находим выписки из так называемых «Революционных глупостей», книги выпущенной Пьером Капелем в 1800 г. Среди прочих, там есть рассказ о том, что «после праздника 14 июля 1790 г. появился текст, автор которого пытался доказать всей стране, что пошедший в тот день дождь был вызван происками аристократов»⁴⁹. Подобные антологии, зеркальное отражение «Сборника героических и гражданских деяний», вышедшего в 1793-1794 гг., публиковались в интересах политиков и салонных читателей, журналистов и консервативных парламентариев.

Но и республиканская историография в 1880-х гг. не отличалась от консервативной более научным подходом. Из республиканского лагеря вышла «История Французской революции» Поля Жане, профессора философии гуманитарного факультета Парижского университета. Снабженное богатым иллюстративным материалом, это произведение не имело никакого научного аппарата и преследовало сугубо педагогические цели. Хотя автор и порицал

⁴⁷ Gibon F. 1798-1889. La Révolution dans les esprits // *Revue de la Révolution*. 1889. № 14-2. P. 170.

⁴⁸ Stocking G.W. On the Limits of ‘Presentism’ and ‘Historicism’ in the Historiography of the Behavioral Sciences // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 1965. № 1. P. 211-217. См. также: Blondiaux L., Richard N. À quoi sert l’histoire des sciences de l’homme // *L’histoire des sciences de l’homme. Trajectoires, enjeux et questions vives*. P., 1999. P. 109-130.

⁴⁹ Anecdotes et notions // *Revue de la Révolution*. 1883. № 1-2. P. 180.

революционеров за эксцессы Террора и заимствование у свергнутой монархии худших методов управления, основной упор он делал на социальных и политических достижениях революционной эпохи: общий закон для всех граждан, налоговое равенство, религиозная свобода, свободный доступ ко всем должностям⁵⁰. В ситуации буланжистского кризиса «История» Жане была воспринята как практический вклад в политическую полемику. Отмечая в *La Révolution française* и в *La Justice* (журнал Клемансо), что подобная попытка опровергнуть «реакционные измышления» весьма полезна и своевременна, Олар подчеркивал необходимость «привлечь внимание историков и политиков» к этому пропагандистскому опусу⁵¹.

До Юбилея историография отличалась ярко выраженным анахронизмом. В период реформ Жюлья Ферри и Рене Гобле по секуляризации учебных заведений наиболее обсуждаемой исторической темой стал, что неудивительно, вопрос о школьной политике Французской революции. Учреждение в 1881 г. «Комиссии публикации документов по истории народного просвещения с 1789 по 1808 гг.» символизировало соединение революционного прошлого с будущим Республики. В 1880 г., представляя предварительный проект такой Комиссии, Фердинан Бюиссон, руководитель начального образования, отмечал, что она имеет целью не только обогащение исторического знания, но и «почитание бессмертного творчества Революции»⁵². Историк правого толка Луи Маджиоло, бывший ректор академии Нанси и инициатор известного исследования о грамотности при Старом порядке, так высказался в *Revue de la Révolution* о создании этой Комиссии:

«Намерения благородные и достойные похвалы, если только речь идет о точном исследовании, “во имя исторической истины”; однако после заявления о том, что проект “представляет собой выражение сыновней почтительности <...>”, мы опасаемся за “историческую истину”. <...> Но ладно! Пусть они проведут расследование во имя Революции, а наша *Revue* проведет свое во имя самой истины»⁵³.

Противники революционного наследия предприняли огромные усилия для того, чтобы убедить публику в достоинствах доре-

⁵⁰ Janet P. Histoire de la Révolution française. P., 1889. P. 280-281.

⁵¹ Aulard A. Une nouvelle histoire de la Révolution // La Révolution française. 1889. № 17-5, P. 385-395. См. также: La Justice. 1889. 7 octobre. P. 3.

⁵² Journal officiel de la République française. 1881. 29 novembre. P. 6610.

⁵³ Maggiolo L. Les écoles pendant la Révolution // Revue de la Révolution. 1883. № 1-4. P. 302.

волюционного церковного образования, показать его важную роль в просвещении французов и таким образом убедить общественность в ценности современных католических учебных заведений. «*Christus vincit!*» – воскликнул Маджиоло в завершение своей статьи, где утверждал, что «в условиях агрессивного возвращения Революции, христианству придется вести новые войны»⁵⁴.

Действительно, пока представитель левой историографии – «прогрессивной школы» – Селестен Ипо работал над изданием сборника педагогических проектов Конвента, а Эдм Шампюан изучал указы 1789 г. о народном просвещении, правые историки Альбер Дюрюи, сын знаменитого министра, и аббат Эрнест Алэн, настойчиво доказывали научное отставание республиканской литературы:

«Чрезвычайно редко панегиристы достижений Революции в сфере образования осмеливаются дискутировать на почве фактов. Как правило, они не выходят за пределы теоретических проектов. <...> Критики же школьной политики Революции поступают иначе. Они, несомненно, не боятся теоретических дискуссий, но в основном все же интересуются фактами, ищут неопубликованные документы, обсуждают свидетельства из прошлого, и стремятся поддерживать достоинство историка»⁵⁵.

В такой интеллектуальной и политической обстановке революционная историография приобретает исключительно «судебные»⁵⁶ черты. В рецензиях и в некрологах, в статьях и в хрониках, историки непрерывно используют эту судебную метафору. При выходе из печати «Образовательного вопроса в 1789 г.» аббата Алэна, *Revue des questions historiques* с удовлетворением констатировало, что, наконец, «все доказательства суда стали доступны для всех читателей»⁵⁷. Точно так же, когда речь зашла о защите Дантона, написанной позитивистским историком Жан-Франсуа-Эжен Робине, сотрудник *Revue historique* Огюстен Газье заметил, что «адвокат, старающийся спасти голову своего клиента, не употребил бы более пламенных выражений»⁵⁸. Помимо полемических целей

⁵⁴ Maggiolo L. L'instruction publique avant et après 1789 // *Revue de la Révolution*. 1884. № 4-9. P. 178.

⁵⁵ Allain E. Les derniers travaux relatifs à l'œuvre scolaire de la Révolution // *Revue de la Révolution*. 1884. № 3-4. P. 310.f

⁵⁶ Ginzburg C. Le juge et l'historien. Considérations en marge du procès Sofri. P., 1997. P. 19.

⁵⁷ Pierre V. Рец. на Allain E. La question de l'enseignement en 1789 // *Revue des questions historiques*. 1886. № 40. P. 682.

⁵⁸ Gazier A. Рец. на Robinet J.-F.-E. Le procès des Dantonistes // *Revue historique*. 1881. № 15. P. 213.

историки использовали судебную риторику, чтобы повысить продаваемость своих исторических публикаций. Уже с конца XVIII в. читатели увлекались *causes célèbres* – «знаменитыми процессами» и связанными с ними скандалами, любопытными фактами и моральными аномалиями⁵⁹. Долговечность этого литературного феномена и его возобновление в 1880-х гг. не прошли мимо внимания Габриеля Моно, основателя *Revue historique*, который заметил по поводу «Истории революционного Трибунала Парижа» Анри Валлона, автора знаменитой «конституционной» поправки 1875 г.:

«*Causes célèbres* обладают непреодолимой притягательностью, привлекающей внимание серьезных мыслителей так же, как и легкомысленных светских читателей. Мария-Антуанетта, Шарлотта Корде, жирондисты и мадам Ролан – какие *causes célèbres*! И хотя мы их знаем наизусть, мы постоянно их перечитываем, надеясь, каждый раз, что 9 термидора наступит до смерти Андре Шенье»⁶⁰.

Закат риторики

Прокурор ли, адвокат ли Революции, историк 1880-х гг. использовал обширный арсенал интеллектуальных и речевых средств для реинтерпретации истории. Авторы старались вызвать эмоции выразительным рассказом, создавая привлекательные или отталкивающие образы. Поэтому республиканские миссионеры, выступавшие с лекциями, нередко предлагали слушателям отрывки из наказов, составленных в 1789 г. жителями той же местности, где должен был проходить доклад. Пытаясь вызвать чувство эмпатии к участникам Революции, авторы не стеснялись рисовать самые лирические картины. Вот в каких выражениях Жан-Франсуа Тэнар рассказывал о празднике Федерации 1790 г. и о добровольцах 1792 г.:

«При прочтении у Мишле, Луи Блана, и даже Тьера рассказа о празднике Федерации <...>, нас невольно охватывает волнение; мы представляем себе тот незабываемый день и мысленно сливаемся с тысячами патриотов, прибывших в столицу»⁶¹.

Напротив, контрреволюционная трактовка использовала преувеличенное и пафосное описание «преступлений» Революции, до-

⁵⁹ Maza S. *Private Lives and Public Affairs: The Causes Célèbres of Prerevolutionary France*. Berkeley, 1993.

⁶⁰ Monod G. Рец. на Wallon H. *Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris* // *Revue historique*. 1881. № 15. P. 422-423.

⁶¹ Thénard J.-F. *La fête de la Fédération dans les départements en 1790* // *La Révolution française*. 1885. № 9-1. P. 1.

биваясь эмпатии читателя по отношению к ее жертвам⁶². Историки-риторы драматизировали собственные переживания, вызванные у них воспоминаниями об эмиграции, о сентябрьской резне 1792 г., поражении вандейского мятежа или казни Людовика XVI, «самого гнусного преступления, которое когда-либо оскверняло страницы нашей истории»⁶³. О высылке священников мы читаем в *Revue de la Révolution*:

«Не бывало за всю историю ни столь чудовищных моральных и физических пыток, ни событий, столь вызывающих сострадание. <...> Этапы пути, пройденные ими в ходе высылки, “сухой гильотины”, столь ужасны, что кажутся невероятными»⁶⁴.

Схожая логика также отличает пропагандистские работы Шарля д'Эрико. В его «Истории революции для детей» приведен диалог между отцом и детьми, построенный в традиционной форме иезуитских катехизисов⁶⁵. Девочка удивляется празднику 14 июля, «представляющему собою печальное событие для людей спокойных и разумных и веселое развлечение для людей порочных и глупых», а мальчик спрашивает, «кто хуже: человек в красном колпаке или человек в остроконечном шлеме», то есть революционер или немецкий оккупант⁶⁶ периода Франко-прусской войны 1870-1871 гг.

Однако в 1880-х гг. уже обозначилось фундаментальное изменение в отношении историков Французской Революции к правилам и методам исторического исследования. Постепенно уходят традиционные представления об истории как *magistra vitae*: стремление связать историю с современностью и анахронизмы вызывают сомнения, неуместными считаются риторические фигуры речи⁶⁷. Еще до возникновения настоящей профессиональной корпорации историков, способной порицать за красноречие и склонность к литературным эффектам, специалисты по истории Революции осознали, что риторические изыски и политические манифесты не заменяют предоставления доказательств. Именно в эти годы революционная историография совершенствовалась ме-

⁶² Mazeau G. La bataille du public // Histoire d'un trésor perdu. P., 2013. P. 358.

⁶³ Biré E. Chronique // Revue de la Révolution. 1887. № 9-2. P. 169.

⁶⁴ Bord G. Рец. на Lelièvre H. Une nouvelle page du martyrologe de 1793 // Revue de la Révolution. 1887. № 10-12. P. 603.

⁶⁵ Эту публикацию можно также воспринять как пародию на «республиканские катехизисы» времени самой Французской революции. О них см.: Buttier J.-C. Les catéchismes politiques français (1798-1914). Thèse de doctorat. Université Paris I. P., 2013.

⁶⁶ D'Héricault C. Histoire de la Révolution racontée aux petits enfants. P., 1884. P. VIII-IX.

⁶⁷ White H. Les fictions de la représentation factuelle // L'histoire s'écrit. P., 2017. P. 66.

тоды критики источников, пусть и не для научного познания прошлого, а ради идеологической борьбы. Чтобы нападать на общепринятые представления об истории или защищать их, историки стали обращаться к документам. Даже крайне правый Гюстав Бор, ультрамонтанский монархист, это понимал, судя по тому, с какой методичностью он опровергал республиканские мифы о «пакте голода» или о военном корабле «Мститель народа», утопленном английским флотом в 1794 г., критически анализируя источники, на которых основывались такие легенды⁶⁸.

Одновременно в работах конца XIX в. распространяется коллективное требование к беспристрастности. По словам А. Олара, использование документов и критический их анализ бесполезны при отсутствии беспристрастности, которая только и позволяет обуздать страсти и воображение:

«Не думайте, что даже самая глубокая и обширная эрудиция обязательно является признаком научного подхода и что надо слепо верить любому рассказчику, вроде бы опирающемуся на оригинальные документы и занимающему отстраненную позицию, предоставляя слово собственно фактам. Напротив, опыт показывает, что даже горячая приверженность источникам, неприятие вторичных свидетельств, постоянное обращение к документам прекрасно могут сочетаться с ослепляющими человека чувствами и доминирующими над ним предрассудками»⁶⁹.

Разумеется, выдвижение подобных условий вызывало новые вопросы и сомнения, ведь историки Революции скорее претендовали на беспристрастность, чем ее практиковали. Напомню, что сразу после приведенного заявления о необходимости нейтральности тот же самый Олар добавил следующее довольно противоречивое утверждение: «Тот, кто не принимает Революцию, видит только ее внешнюю сторону. Чтобы ее понять, ее надо полюбить»⁷⁰. Слова Олара объясняются тем, что ему как новому профессору надо было отвечать ожиданиям одновременно факультета, радикального городского совета и республиканских слушателей. Но они также свидетельствуют о не слишком четких представлениях о беспристрастности у историков конца XIX в. Ясно только то, что утверж-

⁶⁸ Bord G. Le combat du 13 prairial an II et la légende du *Vengeur*. Nantes, 1883; *Idem*. Histoire du blé en France. Le pacte de famine, histoire-légende. P., 1887.

⁶⁹ Aulard A. Leçon d'ouverture // Études et leçons. T. 1. P., 1893. P. 14.

⁷⁰ Ibid. P. 16.

дение в историографии новых критериев – использования источников и нейтральности – вело к маргинализации тех авторов, в первую очередь представителей монархо-католической историографии, которые сохраняли приверженность риторическим и публицистическим подходам.

Конец «старого порядка» в историографии

Сразу после 100-летнего юбилея Революции Н.И. Кареев весьма оптимистически оценивал успехи историографии:

«Можно сказать, что с восьмидесятых годов начинается вообще новый период в историографии французской революции, и среди продолжения старых традиций или возвращений к отжившим точкам зрения все более и более замечается движение вперед – к большей научности в понимании такого сложного и исполненного противоречий события, каким была революция 1789 г.»⁷¹.

Однако, по мнению другого наблюдателя тогдашней интеллектуальной жизни Франции, шотландского историка Генри Морса Стивенса, французы научатся беспристрастно относиться к истории Революции, наверно, только век спустя:

«Только тогда, когда последствия Революции перестанут быть жгучим вопросом политики и когда имена ее героев не будут больше выполнять функции знамен, объединяющих партии, только тогда французы смогут изучать историю Революции спокойно и бесстрашно»⁷².

Каждое из этих противоречащих друг другу утверждений содержит долю истины. Историография 1880-х гг. – это интеллектуальная практика в условиях кризиса. Ею участники имеют дело с прямо противоположными представлениями о политической и научной функциях историка. Пока памфлетисты распространяют лишённые научного обоснования брошюры и популярные публикации с целью осуждения или прославления Революции, новое поколение специалистов уже совершенствует критические методы научного исследования, никогда не достигая, однако, подлинной беспристрастности. Институционализация в 1890-х гг. университетского изучения и преподавания истории Французской революции радикально изменит подобную ситуацию, создав новые нормы научности и новый профиль историка. Тем не менее споры 1880-х гг. о

⁷¹ Кареев Н. Новейшие работы по истории французской революции. Историческое обозрение // Сборник Исторического Общества. 1890. № 1. С. 67.

⁷² Stephens H.M. A History of the French Revolution. New York, 1911 [1886-1891]. P. XVIII.

политическом и научном статусе исследователей революционной истории сохраняют свою актуальность, учитывая, что до сих пор «историография Французской революции занимает в области историописания столь же важное положение, сколь важна роль революционных событий в развитии современного европейского мира»⁷³.

Список литературы

- Кареев Н.И.* Новейшие работы по истории французской революции. Историческое обозрение // Сборник Исторического Общества. 1890. № 1. С. 35-67. [*Kareev N.I.* Novejshie raboty po istorii francuzskoj revoljucii. Istoricheskoe obozrenie // Sbornik Istoricheskogo Obshhestva. 1890. N°1. P. 35-67].
- Плеханов Г.В.* Столетие Великой Революции. СПб: Типография Т-во «Общественная Польза», 1906. [*Plehanov G.V.* Stoletie Velikoj Revoljucii. SPB: «Tipografija T-vo «Obshhestvennaja Pol'za»», 1906].
- Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М.: ОГИЗ, 1941. [*Rubinshtejn N.L.* Russkaja istoriografija. M: OGIZ, 1906].
- Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М.: РОССПЭН, 2010. [*Cygankov D.A.* Professor V. I. Ger'e i ego ucheniki. M: ROSSPEN, 2010].
- Allain E.* Les derniers travaux relatifs à l'œuvre scolaire de la Révolution // Revue de la Révolution. 1884. № 3-4. P. 309-328.
- Amalvi C.* L'histoire pour tous : la vulgarisation historique en France d'Augustin Thierry à Ernest Lavisse (1814-1914). Thèse de doctorat. Université Montpellier III. Montpellier, 1994.
- Aulard A.* Une nouvelle histoire de la Révolution // La Révolution française. 1889. № 17-5. P. 385-395.
- Aulard A.* Leçon d'ouverture // Études et leçons. T. 1. P.: Félix Alcan, 1893.
- Aulard A.* Polémique et histoire. P.: Édouard Cornély et Cie, 1904.
- Bachelard G.* La formation de l'esprit scientifique. P.: Vrin, 1938.
- Bédarida F.* Histoire, critique et responsabilité. P.: Complexe, 2003.
- Bloch M.* Apologie pour l'histoire ou Métier d'historien. P.: Armand Colin, 1997 [1949].
- Blondiaux L., Richard N.* À quoi sert l'histoire des sciences de l'homme // Ed. Blanckaert C., Blondiaux L., Loty L. Renneville M., Richard N.

⁷³ *Farmer P.* France reviews its revolutionary origins. Social politics and historical opinion in the Third Republic. New York, 1963. P. 1.

- L'histoire des sciences de l'homme. Trajectoires, enjeux et questions vives. P.: L'Harmattan, 1999. P. 109-130.
- Boltanski L.* L'espace positionnel: multiplicité des positions institutionnelles et habitus de classe // *Revue française de sociologie*. 1973. № 14-1. P. 3-26.
- Bord G.* Le combat du 13 prairial an II et la légende du Vengeur. Nantes: Impr. Vincent Forest et Émile Grimaud, 1883.
- Bord G.* Рецензия на Lelièvre H. Une nouvelle page du martyrologe de 1793 // *Revue de la Révolution*. 1887. № 10-12. P. 603-604.
- Bord G.* Histoire du blé en France. Le pacte de famine, histoire-légende. P.: A. Sauton, 1887.
- Bourdieu P.* Homo Academicus. P.: Éditions de Minuit, 1984.
- Buisson F.* Rapport au ministre de l'Instruction publique et des Cultes // *Journal officiel de la République française*. 1881. 29 novembre. P. 6610.
- Buttier J.-C.* Les catéchismes politiques français (1798-1914). Thèse de doctorat. Université Paris I. P., 2013.
- Cabanel P.* Le Dieu de la République. Aux sources protestantes de la laïcité (1860-1900). Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2003.
- Carbonell C.-O.* Histoire et historiens. Une mutation idéologique des historiens français (1865-1885). Toulouse: Privat, 1976.
- Chaline J.-P.* Sociabilité et érudition. Les sociétés savantes en France. P.: Éditions du CTHS, 1998.
- Charle C.* Les intellectuels en Europe au XIXe siècle. P.: Seuil, 1996.
- Les catholiques français et l'héritage de 1789 / Ed. P. Colin.* P.: Beauchesne, 1989.
- Den Boer P.* Une histoire des historiens français. P.: Vendémiaire, 2015.
- Dide A.* Hérétiques et révolutionnaires. P: Charavay frères, 1886.
- Ducange J.-N.* La Révolution française et la social-démocratie. Transmissions et usages politiques de l'histoire en Allemagne et en Autriche (1889-1934). Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2012.
- Farmer P.* France reviews its revolutionary origins. Social politics and historical opinion in the Third Republic. New York: Octagon Books, 1963.
- Fossier F.* La charge d'historiographe du seizième au dix-neuvième siècle // *Revue historique*. 1977. № 258-1. P. 73-92.
- Frollo J.* L'histoire de la Révolution // *Le Petit Parisien*. 1887. 4 mars. P. 1.

- Garcia P.* L'État républicain face au centenaire : raisons d'État et universalisme dans la commémoration de la Révolution française // 1889: Centenaire de la Révolution française. Réactions et représentations politiques en Europe / Ed. J. Bariéty. Berne: Peter Lang, 1992. P. 145-167.
- Garcia P.* Le bicentenaire de la Révolution française: pratiques sociales d'une commémoration. Thèse de doctorat. Université Paris I. P., 1994.
- Garcia P., Marin B.* Lille, Marseille, Toulouse : à chacun sa commémoration // Politique de la mémoire. Commémorer la Révolution / Ed. J. Davallon, P. Dujardin, G. Sabatier. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 1993. P. 71-91.
- Gazier A.* Рецензия на Robinet J.-F.-E. Le procès des Dantonistes // Revue historique. 1881. № 15. P. 210-214.
- Gibon F.* 1798-1889. La Révolution dans les esprits // Revue de la Révolution. 1889. № 14-2. P. 170.
- Ginzburg C.* Le juge et l'historien. Considérations en marge du procès Sofri. P.: Verdier, 1997.
- Hartog F.* Régimes d'historicité : présentisme et expériences du temps. P.: Seuil, 2015.
- Hartog F., Revel J.* Note de conjoncture historiographique // Les usages politiques du passé / Ed. F. Hartog, J. Revel. P.: Éditions de l'EHESS, 2001. P. 13-24.
- D'Héricault C.* Histoire de la Révolution racontée aux petits enfants. P.: Gaume et Cie, 1884.
- Huard R.* Aux sources de la commémoration du Centenaire de 1789. La vocation révolutionnaire du pasteur Auguste Dide // Religion, Révolution, contre-Révolution dans le Midi, 1789-1799 / Ed. A.-M. Duport. Nîmes: Jacqueline Chambon, 1990. P. 197-211.
- Janet P.* Histoire de la Révolution française. P.: Ch. Delagrave, 1889.
- Kale S.D.* The Countercenterary of 1889, Counterrevolution, and the Revolutionary Tradition // Historical Reflections / Réflexions historiques. 1997. № 23-1. P. 1-28.
- Kalinowski I.* Leçons wébériennes sur la science et la propagande // Weber M. La science, profession et vocation. Marseille: Agone, 2005. P. 191-240.
- Koselleck R.* Le futur passé : contribution à la sémantique des temps historiques. P.: EHESS, 2000.
- Lalouette J.* La libre-pensée en France, 1848-1940. P.: Albin Michel, 2001.

- Luzzatto S.* Mémoires de la Terreur: vieux Montagnards et jeunes républicains au XIXe siècle. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 1991.
- Maggiolo L.* Les écoles pendant la Révolution // *Revue de la Révolution*. 1883. № 1-4. P. 302-360.
- Maggiolo L.* L'instruction publique avant et après 1789 // *Revue de la Révolution*. 1884. № 4-9. P. 165-178.
- Les anarchistes et la Révolution française / Ed. G. Manfredonia. P.: Éditions du Monde libertaire, 1990.
- Martin J.-C.* Monseigneur Freppel et la Révolution française // *Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest*. 1995. № 102-1. P. 75-88.
- Martin J.-C.* La Vendée, région-mémoire // *Les Lieux de mémoire* / Ed. P. Nora. T. 1. P.: Gallimard, 1997. P. 519-534.
- Martin J.-C., Turcot L.* Au cœur de la Révolution: les leçons d'histoire d'un jeu vidéo. P.: Vendémiaire, 2015.
- Maza S.* Private Lives and Public Affairs: The Causes Célèbres of Prerevolutionary France. Berkeley: University of California Press, 1993.
- McKinley A.* Illegitimate Children of the Enlightenment. Anarchists and the French Revolution, 1880-1914. New York: Peter Lang, 2008.
- Momigliano A.* The Introduction of the Teaching of History as an Academic Subject and Its Implications // *Minerva*. 1983. № 21-1. P. 1-15.
- Monod G.* Рецензия на Wallon H. Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris // *Revue historique*. 1881. № 15. P. 422-423.
- Nord P.* Le moment républicain. Combats pour la démocratie dans la France du XIXe siècle. P.: Armand Colin, 2013.
- Ory P.* Le centenaire de la Révolution française // *Les Lieux de mémoire* / Ed. P. Nora. T. 1. P.: Gallimard, 1997. P. 465-492.
- Parsis-Barubé O.* La province antiquaire. L'invention d'une histoire locale en France (1800-1870). P.: Éditions du CTHS, 2011.
- Pierre V.* Рец. на Allain E. La question de l'enseignement en 1789 // *Revue des questions historiques*. 1886. № 40. P. 682-683.
- Catholiques entre monarchie et république. Mgr Freppel en son temps : 1792-1892-1992 / Ed. B. Plongeron. P.: Letouzey et Ané, 1995.
- Ploux F.* Une mémoire de papier. Les historiens de village et le culte des petites patries rurales à l'époque contemporaine (1830-1930). Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2011.

- The Oxford History of Historical Writing / Ed. J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. Vol. 3: 1400-1800. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Rebérioux M.* Socialisme et Révolution française // L'héritage politique de la Révolution française / Ed. F. Hamon, J. Lelièvre. Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires de Lille, 1993. P. 136-156.
- Rebérioux M.* Le mur des Fédérés // Les Lieux de mémoire / Ed. P. Nora. T. 1. P.: Gallimard, 1997. P. 535-558.
- Renan E.* Questions contemporaines. P.: Michel Lévy frères, 1868.
- Richard N.* Hippolyte Taine: histoire, psychologie, littérature. P.: Classiques Garnier, 2014.
- Robinson C.F.* Islamic Historiography. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Schroeder-Gudehus B.* Les grandes puissances devant l'Exposition universelle de 1889 // Le Mouvement social. 1989. № 149. P. 15-24.
- Spronck M.* Chronique // La Révolution française. 1881. № I-1. P. 157.
- Stocking G.W.* On the Limits of 'Presentism' and 'Historicism' in the Historiography of the Behavioral Sciences // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1965. №1. P. 211-217.
- Thénard J.-F.* La fête de la Fédération dans les départements en 1790 // La Révolution française. 1885. № 9-1. P. 1-14.
- Tournouër H.* Robert Triger // Revue historique et archéologique du Maine. 1929. № 9. P. 38-49.
- Venturini T., Jacomy M., Baneyx A., Girard P.* Hors champs. La multipositionnalité par l'analyse de réseaux // Réseaux. 2016. № 199. P. 11-42.
- Stephens H.M.* A History of the French Revolution. New York: Charles Scribner's Sons, 1911 [1886-1891].
- Vovelle M.* La bataille du Bicentenaire de la Révolution française. P.: La Découverte, 2017.
- Histoire d'un trésor perdu / Ed. S. Wahnich. P.: Les Prairies ordinaires, 2013.
- Weisz G.* The Emergence of Modern Universities in France, 1863-1914, Princeton: Princeton University Press, 1983.
- White H.* L'histoire s'écrit. P.: Sorbonne, 2017.

**FROM MONUMENT TO DOCUMENT:
WRITING THE HISTORY OF THE FRENCH REVOLUTION
ON THE EVE OF THE CENTENARY**

“All history is contemporary history”: Benedetto Croce’s statement appears particularly relevant when dealing with the historiography of the French Revolution at the beginning of the Third Republic. At that time, even though revolutionary history was still regarded as too subversive a topic to penetrate the French academic sphere, the social outcome and political *exemplum* of the Revolution turned into a crucial issue as the 1889 Centenary approached. Within this memorial framework, the historiography of the Revolution was, first and foremost, an object designed for political “uses of the past.” Both republican historians and counter-revolutionary writers cultivated a deliberately presentist epistemology: far from being a disinterested research of impractical truth, the exploration of the past was meant to shed light on the present and to serve the interests of competing political parties. However, these years also witnessed the emergence of empirical research, the abandon of rhetorical effects, as well as the truthful task of establishment of the facts and rejection of the historical legends. This intellectual turn did not merely arise from the academization of revolutionary history in the 1890s, but was already at stake during the controversial 1880s, and resulted in innovative forms of articulation between the interests of the present and the uses of the past.

Keywords: Historiography, historians, presentism, uses of the past, controversies

*Guillaume Lancereau,
Ph.D. candidate, École des hautes études
en sciences sociales*